МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ДЕКАБРИСТАМИ

и другими замѣчательными личностями, служившими рядовыми въ Кавказскихъ войскахъ въ 1835—36 годахъ.

(Разсказъ очевидца).

Въ 1835 году, я былъ командированъ, въ числѣ другихъ офицеровъ гвардіи, въ ряды войскъ Кавказскаго корпуса, для участія въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, и имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми декабристами и другими замѣчательными личностями, служившими въ то время на Кавказѣ рядовыми.

Съ декабристомъ Бестужевымъ (Марлинскій) я познакомился за обѣдомъ у начальника отряда генерала-лейтенанта Алексѣя Александровича Вельяминова. Отрядъ нашъ, перваливъ становой хребетъ Кавказскихъ горъ, спустился къ Черному морю у бухты Суджукъ-Кале, куда вскорѣ прибылъ изъ Керчи на пароходѣ Бестужевъ, только что произведенный въ прапорщики и служившій до тѣхъ поръ рядовымъ въ линейномъ батальонѣ, расположенномъ въ крѣпости Геленджикѣ. Въ Керчь онъ ѣздилъ для офицерской обмундировки. Я его нашелъ въ столовой юртѣ, въ которой обыкновенно обѣдали адъютанты начальника отряда и состоящіе въ его штабѣ офицеры. Въ новенькомъ мундирѣ, напомаженный, надушенный, онъ представлялся въ этотъ день генералу и невольно обратилъ на себя общее вниманіе отрядныхъ офицеровъ, составлявшихъ съ нимъ полный контрастъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ также начальникъ Черноморской эскадры контръ-адмиралъ Патаньоти, имѣвшій предписаніе помогать намъ съ моря и поддерживать наши сообщенія съ Россіей посредствомъ пароходовъ. Штабные и обычные посѣтители обѣдовъ Алексѣя Александровича (который обѣдалъ всегда особенно въ своей палаткѣ) садились по 4 человѣка около небольшихъ складныхъ столиковъ. Я сидѣлъ за однимъ столомъ съ начальникомъ штаба княземъ Шаховскимъ, Бестужевымъ и адъютантомъ Бибиковымъ. На другомъ столѣ подлѣ насъ сидѣлъ съ другими штабными контръ-адмиралъ Патаньоти. Грекъ по происхожденію, болтливый, съ примѣсью хвастовства, онъ говорилъ громко, безъ умолку, на что послѣ обѣда, когда онъ ушелъ, Бестужевъ сказалъ князю Шаховскому:—«Вы замѣтили, князь, что въ Патаньоти есть что-то божественное?»—Почему?—спросилъ князь.—«А потому, что въ его разговорѣ—«нѣтъ ни начала, ни конца». Эта неожиданная острота всѣхъ насъ разсмѣшила. Бестужевъ прикомандированъ былъ къ Кабардинскому егерскому полку, къ которому былъ прикомандированъ и я и участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ егерей, на долю коихъ приходилось всегда болѣе быть въ дѣлѣ, чѣмъ полкамъ линейнымъ. Находящіеся въ отрядѣ пѣхотные полки, Тенгинскій и Навагинскій, употребляемы были для охраны лагеря и огромнаго обоза, доставлявшаго на весь отрядъ провіантъ и готовый матеріалъ для постройки домовъ въ крѣпости.

Въ другой разъ я сошелся съ Бестужевымъ на обратномъ пути на Кубань. Отрядъ нашъ, окончивъ на берегу Чернаго моря постройку укрѣпленія, названнаго «Кабардинскимъ», получилъ предписаніе возвратиться на Кубань. Опять намъ пришлось подниматься на становой хребетъ Кавказскихъ горъ и спуститься въ долину—къ берегамъ рѣки Кубани, по направленію къ Ольгинскому укрѣпленію, откуда мы выступили. Я шелъ съ егерями по горамъ въ боковой цѣпи,—вижу, Бестужевъ лежитъ подъ деревомъ; день былъ чрезвычайно жаркій; снятый съ плечъ холщевый китель лежалъ у его ногъ, шашка на портупеѣ висѣла надъ головою на сучкѣ, а слѣды краснаго вина на рубашкѣ, ясно означали, что онъ завтракалъ. На счастье мое, въ это время въ лѣсу раздался сигналъ горнистовъ: «стой!» Бестужевъ, увидя меня, какъ уже знакомаго по обѣду у Вельяминова, пригласилъ расположиться подлѣ него и раздѣлить съ нимъ, что Богъ послалъ. Я очень радъ былъ что нибудь выпить, потому что солнце жгло немилосердно и въ горлѣ пересохло. «Благодаря вашимъ чуднымъ описаніямъ природы Кавказа, я попалъ сюда — сказалъ я,—съ восторгомъ читалъ я ихъ въ Петербургѣ и настроенное воображеніе мое жаждало убѣдиться въ дѣйствительности. Я просился самъ въ командировку на Кавказъ и теперь, находясь подлѣ васъ, творца прелестной повѣсти: «Мулла-Нуръ», восклицаю вашими же словами: «кто мнѣ дастъ голубиныя крылья, взлетѣть на темя Кавказа!»—вотъ я здѣсь, на темени Кавказскихъ горъ, безъ голубиныхъ крыльевъ, и взошелъ я на него, вполнѣ разочарованный! Что мнѣ всѣ эти прелести природы, когда я, измученный трудами Кавказской войны, не въ силахъ ими восхищаться. Не хочу ни крестовъ, ни чиновъ—а только бы отпустили душу мою на покаяніе,—предвидя такіе труды, я никогда бы сюда не заглянулъ». Бестужевъ съ улыбкою внималъ правдивому разсказу моему и хотѣлъ отвѣтить, но въ это время раздался сигналъ: «впередъ!» Я поспѣшилъ въ цѣпь, а онъ остался на мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ болѣе не встрѣчался.

Въ слѣдующемъ 1837 году, Бестужевъ, участвуя въ десантныхъ войскахъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго, на мысѣ Адлеръ, (южнѣе крѣпости Геленджика), былъ убитъ въ лѣсу. Команда для десанта была поручена извѣстному по своей неустрашимой храбрости капитану Альбранту, который, слишкомъ далеко углубясь въ лѣсъ, былъ

самъ раненъ горцами и потерялъ много людей. Тѣла Бестужева русскіе не нашли; но, впослѣдствіи, сами горцы принесли въ укрѣпленіе Навагинское, устроенное на мысѣ Адлеръ, богатое, золотое кольцо для продажи, которое признано знавшими покойнаго за принадлежавшее ему. Они же говорили, что тѣло нашли уже такъ разложившимся и палецъ раздутымъ, что снимать кольцо не старались, а отрубили палецъ вмѣстѣ съ кольцомъ.

Графъ Толстой (декабристъ), служившій тогда прапорщикомъ въ Анапскомъ линейномъ батальонѣ, былъ вмѣстѣ со мною прикомандированъ къ Кабардинскому егерскому полку для участія въ дѣлахъ противу горцевъ—почему я его тоже зналъ. Личность простоватая, ничѣмъ себя особенно не ознаменовавшая. Замѣтно, что слабая натура его не выдержала жестокихъ ударовъ судьбы и онъ видимо склонялся подъ ихъ тяжкимъ бременемъ.

Цебриковъ (декабристъ) служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку капитаномъ, а въ 1836 году я засталъ его рядовымъ въ Кабардинскомъ егерскомъ полку, гдѣ онъ ничѣмъ себя особеннымъ не отличилъ; прослуживъ нѣсколько лѣтъ рядовымъ, свыкся съ жизнью солдата и, потерявъ всякій свѣтскій лоскъ, совершенно огрубѣлъ. Съ лицемъ вовсе не симпатичнымъ, онъ былъ похожъ вполнѣ на солдата: въ старой солдатской шинели, прокоптѣвшей махоркою, въ порыжѣлой отъ солнечныхъ лучей фуражкѣ, изъ-подъ которой торчали клочья сѣдыхъ волосъ. Офицерскаго общества избѣгалъ и держался только своихъ собратовъ, съ которыми игралъ въ карты.

Князь Голицынъ (декабристъ) служилъ унтеръ-офицеромъ въ Кабардинскомъ егерскомъ полку. Человѣкъ съ большимъ образованіемъ, тактомъ и съ умѣньемъ уживаться съ своимъ начальствомъ, которое не давало спуску никому, не различая ни лицъ, ни званія, ни причинъ, могущихъ допустить нѣкоторое снисхожденіе по службѣ. Всегда былъ въ кругу офицеровъ и своимъ мягкимъ характеромъ заслужилъ уваженіе и любовь своихъ товарищей. Въ крѣпости Анапѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, и что съ нимъ сталось впослѣдствіи, не знаю.

Кривцовъ (декабристъ) служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, а при мнѣ былъ рядовымъ въ пѣшей артиллерійской бригадѣ, бывшей съ нами въ экспедиціи. Высокій ростомъ, плечистый, съ черными кудрявыми волосами, съ широкимъ лицомъ и приплюснутымъ носомъ, онъ представлялъ собою типъ чистой славянской расы. Умный въ разговорѣ, пріятный въ обществѣ и храбрый въ дѣлѣ, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе своихъ сослуживцевъ. Въ дѣлахъ я имѣлъ случай нѣсколько разъ прикрывать егерями его два горные единорога, которыми онъ командовалъ и съ коими онъ всегда былъ впереди; а такъ какъ опасности, труды и лишенія похода сближаютъ людей, то я съ нимъ скоро сошелся и всегда находилъ отраду въ пріятной съ нимъ бесѣдѣ.

Во время работъ укрѣпленія Кабардинскаго, которое воздвигалось войсками отряда у бухты Суджукъ-Кале, я былъ командированъ съ ротою въ укрѣпленіе Геленджикъ, для конвоированія воловьяго транспорта, посланнаго для принятія въ означенномъ укрѣпленіи сухарей. Прибывъ въ Геленджикъ благополучно, первымъ дѣломъ моимъ было отыскать жилище Бестужева, которое мнѣ тотчасъ же указали. Какой-то отставной солдатъ, жившій въ передней, встрѣтилъ меня словами: «барина дома нѣтъ, онъ теперь охвицеръ и уѣхалъ въ Крымъ охвицерскую форму справлять». Я все это зналъ раньше и вошелъ прямо въ комнату, которая оказалась небольшою, низкою, въ два маленькихъ окна,—между коими стоялъ досчатый столъ, заваленный кипою книгъ и журналовъ. Въ этой-то скромной избушкѣ Бестужевъ писалъ свои лучшія произведенія о Кавказѣ, столь прославившія имя Марлинскаго (подъ именемъ котораго онѣ издавались). Взглянувъ въ одно изъ оконъ, я увидѣлъ вырѣзанныя алмазомъ на стеклѣ слова: «ma bouche a fait serment, mais mon coeur n'a pas juré». Надпись эта, вѣроятно, была начертана кѣмъ нибудь изъ поляковъ, которыхъ было множество на Кавказѣ послѣ усмиренія Польскаго мятежа въ 1831 г. Остатки хорошо организованныхъ полковъ польскихъ войскъ были сосланы въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и по полкамъ. Особенно обращали на себя вниманіе остатки храбраго 4-го линейнаго полка (чвартаки, какъ ихъ называли поляки), которые, во время сраженія подъ Рудками, встрѣтили колонну Самогитскаго пѣхотнаго полка, шедшую на нихъ въ штыки,—громкимъ смѣхомъ, держа ружья подъ курокъ. Колонна отъ такого афронта въ первый моментъ дрогнула, но вскорѣ, опомнившись, жестоко отомстила имъ за ѣдкую насмѣшку. Чвартаки были разбиты и разсѣяны. Эти храбрецы ходили еще въ своихъ тонкихъ темно-сѣраго сукна шинеляхъ, съ желтыми воротниками и съ такого же цвѣта погонами, на коихъ значился знаменательный 4-й №. Они заслужили уваженіе своихъ сослуживцевъ необыкновенною храбростью, всегда высоко чтимою въ рядахъ Кавказскаго войска.

Изъ поляковъ, служившихъ рядовыми въ полкахъ, назначенныхъ въ нашъ отрядъ (которыхъ я зналъ лично), были: графъ Платеръ, Ржевускій, князь Сангушко и многіе другіе изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій польскихъ. Случай свелъ графа Платера на Кубани съ поручикомъ армейскаго уланскаго полка—Ларіоновымъ, который во время польской войны взялъ его въ плѣнъ и по милости коего графъ былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Случай этотъ, какъ разсказывалъ мнѣ поручикъ Ларіоновъ, произошелъ слѣдующимъ образомъ. Во время Польской войны, Ларіоновъ стоялъ на аванъ-постахъ со взводомъ своихъ уланъ, коихъ половина была разсыпана въ цѣпи по опушкѣ лѣса. Вдругъ видитъ онъ офицера польскихъ уланъ, выѣхавшаго съ двумя рядовыми изъ лѣса и подъѣзжающаго къ его цѣпи. Ларіоновъ, взявъ нѣсколькихъ уланъ, поскакалъ къ нему на

встрѣчу и приказалъ стрѣлять по немъ. Платеръ, видя свое положеніе, бросился въ лѣсъ; Ларіоновъ за нимъ и, выстрѣливъ ему въ догонку, ранилъ лошадь Платера, которая вскорѣ остановилась. Подъѣхали уланы и Платеръ, обезоруженный, былъ приведенъ на русскіе аванъ-посты.

Ржевускій служилъ рядовымъ въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку. Толстое сукно его солдатскаго мундира вовсе не гармонировало съ его молодымъ и нѣжнымъ лицемъ, а приличныя манеры и образованіе ясно свидѣтельствовали о его происхожденіи. Онъ не вынесъ трудовъ похода и, кажется, вскорѣ скончался гдѣ-то въ госпиталѣ отъ чахотки.

Князь Сангушко также служилъ рядовымъ, въ томъ же полку; заклятый полякъ, избѣгалъ общества русскихъ и съ нами не сближался. Всѣ трое говорили всегда на французскомъ языкѣ и такъ какъ между офицерами гвардейскими было болѣе говорящихъ на этомъ языкѣ, то они и приходили къ намъ, въ часы досуга, чтобы развлечься и хоть минутно забыть свое горестное положеніе. Особенно жаловался на судьбу молодой Ржевускій, который мнѣ со слезами показывалъ единственный двугривенный, бывшій у него въ карманѣ, и разсказывалъ о богатствѣ, коимъ обладали его родители. Вообще, можно сказать, сосланные въ Кавказскія войска поляки приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы. Причиной тому были ксендзы, взятые, во время Польской войны, въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и записанные въ рядовые одинаково съ другими. Въ какой ротѣ заведется такой ксендзъ, то не жди добра; днемъ около него всегда замѣтишь кружокъ поляковъ-солдатъ, и онъ имъ что-то проповѣдуетъ; результатомъ этихъ рѣчей всегда было то, что ночью въ цѣпи нѣсколькихъ паръ не досчитаешься. Тѣмъ болѣе побѣги дѣлались часты, что горцы поляковъ принимали охотно и съ ними обращались гораздо человѣколюбивѣе, чѣмъ съ русскими. Какъ извѣстно, впослѣдствіи у Шамиля ихъ было столько, что онъ составилъ изъ нихъ отрядъ своихъ тѣлохранителей; они руководили его при нападеніи на наши предѣлы, научили горцевъ дѣлать порохъ, управлять орудіями и были одною изъ причинъ столь долгаго сопротивленія горцевъ и удачныхъ нападеній Шамиля на наши малочисленные гарнизоны въ крѣпостяхъ.

Помѣщикъ Алексѣевъ, личность довольно замѣчательная по своимъ поступкамъ. Обладая большимъ состояніемъ, одинокій, онъ, соскучившись деревенскою жизнью, пріѣхалъ на Кавказъ съ знакомымъ офицеромъ, командированнымъ для участія въ военныхъ экспедиціяхъ. Какъ волонтеръ, онъ съ разрѣшенія начальника отряда принималъ участіе во всѣхъ бывшихъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ. Въ статскомъ платьѣ, на лихомъ сѣромъ кабардинцѣ, съ богато отдѣланной шашкой черезъ плечо, безъ всякой предназначенной цѣли, онъ бросался везде, гдѣ только слышался свистъ пуль, и всегда выходилъ цѣлъ и невредимъ изъ опасности. Всѣ его знали, а солдатамъ онъ служилъ предметомъ остротъ и насмѣшекъ. Бывъ высокаго роста, плечистый и обладая силой, онъ разъ вынесъ на плечахъ своихъ раненаго солдата изъ цѣпи стрѣлковъ и тѣмъ спасъ ему жизнь; за таковой подвигъ получилъ онъ отъ А. А. Вельяминова личную благодарность. Обѣдалъ онъ всегда вмѣстѣ съ штабными у начальника отряда и разсказами о громкихъ своихъ дѣяніяхъ смѣшилъ присутствующихъ. По окончаніи экспедиціи всѣ офицеры, присланные изъ русскихъ полковъ для участія въ дѣлахъ, собрались въ Ставрополѣ у Вельяминова, чтобы ему откланяться. Въ числѣ ихъ былъ и Алексѣевъ. Увидавъ его, Вельяминовъ съ улыбкою подошелъ къ нему и спросилъ: «ну что, дражайшій, къ чему васъ представить?» «Анны съ бантомъ вы мнѣ не дадите, Станислава я не хочу, подарите мнѣ вашу лягавую собаку». Такое скромное желаніе Алексѣева разсмѣшило присутствующихъ и болѣе всѣхъ Вельяминова, неожидавшаго вовсе такого отвѣта.

Кавказъ, въ прошлое царствованіе, служилъ мѣстомъ искупленія для всѣхъ тѣхъ, кто за дуэли, за упущенія по службѣ, неповиновеніе начальству и за другіе подобные проступки, были переведены изъ гвардіи и другихъ армейскихъ полковъ тѣми же чинами въ гарнизоны Кавказскихъ войскъ, или разжалованы въ рядовые и сосланы туда же.

Участвуя въ дѣлахъ противу горцевъ, многіе изъ нихъ были ранены и кровью своею смывали тѣнь, омрачавшую ихъ добрую службу, были за отличіе переведены въ свои прежніе полки, а другіе изъ рядовыхъ дослуживались до генеральскихъ чиновъ и дѣлались полезными дѣятелями для края.

Такъ, Николай Петровичъ Колюбакинъ, служа въ 1836 году на Кавказѣ рядовымъ, былъ нѣсколько разъ тяжело раненъ, прошелъ тамъ всѣ чины, которые бралъ за храбрость и скончался въ 1868 году генералъ-лейтенантомъ.

Такъ, товарищъ мой по императорскому Царскосельскому лицею графъ Алопеусъ былъ въ 1830 году выпущенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, и за неумѣренную шалость, плодъ зимней скуки *), (онъ ѣздилъ по вечерамъ по улицамъ города и билъ стекла въ окнахъ домовъ, бросая въ нихъ горстями мѣдныя деньги), былъ переведенъ въ Кавказскій линейный батальонъ прапорщикомъ **), и вскорѣ, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцовъ, былъ возвращенъ

*) Тогда Царскосельской желѣзной дороги не существовало.

**) Графъ Алопеусъ оставилъ по себѣ память на Кавказѣ каламбуромъ, сказаннымъ имъ извѣстному на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ доктору Конради. Разъ Конради, проходя въ Пятигорскѣ по бульвару, встрѣтилъ графа Алопеуса и спросилъ его: «за что васъ перевели на Кавказъ?»—«Оконъ ради» (о! Конради) отвѣтилъ графъ. Докторъ, не понявъ отвѣта и думая, что графъ надъ нимъ смѣется, возвысилъ голосъ, повторилъ вопросъ.—«Я вамъ сказалъ: оконъ ради»—отвѣтилъ графъ. Конради все-таки не понялъ ничего и, считая себя обиженнымъ, разсказалъ этотъ случай знакомымъ, которые объяснили ему, что графъ былъ переведенъ за то, что «билъ въ окнахъ стекла».

въ свой полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ его императорскому высочеству герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому.

Романовскій, Монбелли, и множество другихъ, которые, въ продолженіи 30-ти лѣтняго царствованія императора Николая I, были разжалованы или переведены на Кавказъ, всѣ были или возвращены въ свои прежніе полки, или выслужились до генеральскихъ чиновъ и были полезные слуги отечеству.

И. Фонъ-деръ-Ховенъ.